Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 70–82

Текстообразующий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского Т.И.И.

Т.Н. Колокольцева

УДК 811.161.1'38 DOI 10.17516/2311-3499-078

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГИЧНОСТИ И ФИГУР ДИАЛОГИЗМА В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО И Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Т.Н. Колокольцева

Уточнено содержание и соотношение понятий диалогичность, диалог и фигуры диалогизма. Выявлен текстообразующий потенциал диалогичности, в частности, собственно диалога и фигур диалогизма (риторического обращения, риторического восклицания, риторического вопроса и вопросно-ответных структур) в лирике А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского. Показано, что категория диалогичности в лирических произведениях реализуется через микрополя адресанта и адресата и их взаимодействие. Установлено, что текстообразующая функция фигур диалогизма и других показателей диалогичности может получать в лирике репликационное и нерепликационное воплощения. В первом случае стихотворный текст может либо включать серию реплик значительной линейной протяженности, либо члениться на диалогические единства или реплики без остатка. При нерепликационном воплощении диалогичности и фигур диалогизма в лирическое произведение могут включаться пространные фрагменты прямой речи (монологов), выражающие диалогическое взаимодействие точек зрения коммуникантов; текст может целиком представлять собой обращение к тому или иному адресату (адресатам); наконец, стихотворение может заключать в себе развернутый ответ лирического героя на тот или иной проблемный вопрос. Диалогичность, и в частности фигуры диалогизма, выражают в лирике А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского общий настрой на волну адресата, желание авторов стать ближе своему читателю, общаться с ним, как с равным, учитывать его мнения, интересы, запросы.

Ключевые слова и фразы: диалогичность; диалог; фигуры диалогизма; риторическое обращение; риторическое восклицание; риторический вопрос; вопросно-ответные конструкции.

TEXT-FORMING POTENTIAL OF DIALOGUE AND DIALOGISM FIGURES IN LYRICAL WORKS A.A. VOZNESENSKY AND R.I. ROZHDESTVENSKY

T.N. Kolokoltseva

The content and correlation of the concepts of dialogism, dialogue and figures of dialogism have been clarified. The text-forming potential of dialogism, in particular, dialogue itself and figures of dialogism (rhetorical appeal, rhetorical exclamation, rhetorical question and question-answer structures) in the lyrics of A.A. Voznesensky and R.I. Rozhdestvensky is revealed. It is shown that the category of dialogism in lyric works is realized through the microfields of the addressor and addressee and their interaction. It is established that the text-forming function of the figures of dialogism and other indicators of dialogism can receive replicative and non-replicative manifestations in the lyrics. In the first case, the poetic text can either include a series of remarks of considerable linear extent, or be divided into dialogical unity or remarks without a remainder. With the non-replicative embodiment of dialogism and figures of dialogism, voluminous fragments of direct speech (monologues) expressing the dialogical interaction of the points of view of communicants can be included in the lyric work; the text may entirely constitute an appeal to one or another addressee (-s); finally, a poem can contain a detailed answer of a lyrical hero to a particular problematic question. Dialogism, and in particular the figures of dialogism, express in the lyrics of A.A. Voznesensky and R.I. Rozhdestvensky a general attitude towards the wave of the addressee,

the authors' desire to become closer to their reader, to communicate with him as an equal, to take into account his opinions, interests, and requests.

Keywords and phrases: dialogism; dialogue; figures of dialogism; rhetoric address; rhetoric exclamation; rhetoric question; questions-and-answers constructions.

А.А. Вознесенский и Р.И. Рождественский относятся к числу ярких фигур среди российских поэтов-шестидесятников. Это поэты, активно продолжавшие в своем творчестве традиции В.В. Маяковского. Начиная с конца 1950-х годов, А.А. Вознесенский и Р.И. Рождественский, а также их коллеги по цеху Е.А. Евтушенко, Б.Ш. Окуджава, Б.А. Ахмадулина выступали на литературных вечерах перед большими аудиториями в Политехническом музее, на стадионах страны и на других площадках. Не вызывает никаких сомнений, что поэзия А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского содержит интенсивный диалогический посыл, несет в себе мощный заряд диалогизма. Без учета этого фактора невозможно до конца понять специфику творчества поэтов и дать исчерпывающую характеристику их идиостилям.

Материалом для анализа послужили лирические произведения А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского, написанные в разное время, входящие в разные поэтические циклы, относящиеся к разным тематическим группам. Выбор текстов для анализа обусловливался стоящей перед нами исследовательской задачей — выявить текстообразующие возможности категории диалогичности и фигур диалогизма в лирическом произведении.

Вводные замечания. Диалог и диалогичность — категории речевой коммуникации, на протяжении многих лет привлекающие к себе пристальное внимание исследователей (работы Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, М.Б. Борисовой, Т.Г. Винокур, Л.Р. Дускаевой, Н.В. Изотовой, М.Н. Кожиной, Т.Н. Колокольцевой, О.Б. Сиротининой, Г.Г. Хисамовой и мн. др.). В последние десятилетия это внимание резко возросло в связи с изменениями, происходящими в современном коммуникативном пространстве. Диалог и диалогичность заметно упрочили свои позиции и расширили свою территорию. Это касается многих сфер устного и письменного общения.

Мы понимаем *диалогичность*, вслед за М.Н. Кожиной, как учет адресантом (отправителем речи) фактора адресата (реального или гипотетического, воображаемого), его смысловой позиции, а также взаимодействие по линии адресант — адресат. Такое понимание диалогичности можно назвать узким, поскольку оно противостоит глобальному пониманию диалога и диалогических отношений в трудах М.М. Бахтина. Исследователь подчеркивал, что диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким-либо другим природным отношениям» [Бахтин 1979: 303]. Согласно М.М. Бахтину, диалогический характер носит человеческое мышление в целом и процесс понимания в частности.

Диалог представляет собой один из видов речи, такой способ активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического речевого произведения, состоящего из последовательности реплик. При этом один из субъектов может носить интегрированный характер, т. е. быть представленным группой лиц.

В художественном стиле диалог представлен как в прозаических произведениях (прежде всего речи в персонажей), так и в драматургии. Драматургический текст — это, по сути, сплошной диалог (полилог), который прерывается лишь авторскими ремарками. Обратим внимание на то, что полилог трактуется многими современными учеными как разновидность диалога (с особыми закономерностями перехода реплик).

Диалог, несомненно, следует рассматривать как основное, но далеко не единственное проявление категории диалогичности. Данная категория получает воплощение и в монологической речи. Средства выражения категории диалогичности в монологической речи подробно исследовались на материале таких функциональных стилей, как научный [Кожина 1986, 1998; Кожина, Дускаева 1987; Вотрина 2012] и публицистический [Дускаева 1995, 2004]. Мы полагаем, что в художественной монологической речи (в т. ч. и поэтической) данная категория реализуется прежде всего через определенную систему морфологических показателей (глагольные

формы 1–2 лица, личные и притяжательные местоимения 1–2 лица и некоторые другие), а также фигуры диалогизма.

Термин «фигуры диалогизма» мы употребляем вслед за А.А. Волковым. В работе «Основы русской риторики» автор определяет фигуры диалогизма как группу риторических фигур, которая «используется для создания эффекта диалога в монологической речи» [Волков 2003: 299]. К фигурам диалогизма А.А. Волков относит следующий набор риторических фигур: диалог, предупреждение, ответствование, сообщение, заимословие, цитата, аллюзия, риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание [Волков 2003: 299–302].

Диалог понимается как изображение диалога в монологической речи в виде прямой или косвенной речи, которая может при этом может сопровождаться авторским комментарием. Под предупреждением подразумевается намеренное выдвижение ритором возражения или утверждения оппонента и ответ на него, изображение полемики, в которую могут включаться прежние высказывания оппонента. Ответ на него от лица говорящего (то есть вопросно-ответную структуру). Сообщение понимается как вопрос, обращенный к аудитории, и ответ от лица аудитории, который иногда дополняется комментарием (то есть вопросно-ответная структура с возможным использованием комментария). Под заимословием подразумевается созданная автором речь, представляющая определенную позицию или точку зрения [Волков 2003: 299–302]. Термины цитата, аллюзия, риторический вопрос, риторическое восклицание и риторическое обращение используются автором в общепринятых значениях и не нуждаются в комментариях.

Представляется, что в перечне фигур, приводимом А.А. Волковым, часть явлений (заимословие, цитата, аллюзия) имеет отношение не столько к фигурам диалогизма, сколько к фигурам интертекста (подробнее о фигурах интертекста см. в работах: [Москвин 2011; Москвин 2014]).

Мы будет относить к фигурам диалогизма прежде всего риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, вопросно-ответные структуры.

Текстообразующая функция изучаемых фигур речи состоит в том, что они выполняют важную роль в построении лирического произведения в целом, оказываются значимым компонентом его архитектоники, пронизывают собой всю текстовую ткань. Данная функция может получать в лирическом произведении несколько вариантов воплощения. Рассмотрим их.

1. Текст может носить диалогический характер и либо делиться на серию реплик, имеющую значительную линейную протяженность, либо (что наблюдается значительно реже) члениться на диалогические единства (или реплики) без остатка.

Заметим, что собственно диалог в лирике относительно редкое явление. Лирический текст по своей внутренней сущности предназначен для выражения прежде всего смысловой позиции лирического героя. Наличие нескольких смысловых позиций, их сопоставление и противопоставление в лирическом произведении является не столь типичным. Поэтому лирические тексты, целиком (или в основном) состоящие из последовательности реплик, немногочисленны. В качестве примера можно привести стихотворения Р.И. Рождественского «Отдать тебе любовь?», А.А. Вознесенского «Диалог», «После сигнала» и нек. др. Обратимся к указанным текстам:

• — Отдать тебе любовь? — Отдай! — Она в грязи... — Отдай в грязи!.. — Я погадать хочу... — Гадай. — Еще спросить хочу... — Спроси. — Допустим, постучусь... — Впущу. — Допустим, позову... — Пойду. — А если там беда? — В беду. — А если обману? — Прощу. — «Спой!» — прикажу тебе... — Спою. — Запри для друга дверь... — Запру. — Скажу тебе: убей!.. — Убью. — Скажу тебе: умри!.. — Умру. — А если захлебнусь? — Спасу. — А если будет боль? — Стерплю. — А если вдруг — стена? — Снесу. — А если — узел? — Разрублю! — А если сто узлов? — И сто. — Любовь тебе отдать? — Пюбовь. — Не будет этого! — За что?! — За то, что не люблю рабов (Рождественский. Отдать тебе любовь?).

Приведенное произведение Р.И. Рождественского представляет собой диалог, направленный на установление межличностных отношений. Текст целиком построен как диалогический. В его состав входят 39 реплик, образующих 18 диалогических единств (большинство из которых является минимальными). Категория диалогичности в данном тексте реализуется через

взаимодействие микрополей адресанта и адресата. Это обусловливает высокую частотность использования глагольных словоформ 1-ого (хочу, постучусь, впущу, позову, пойду, обману, прощу и др.) и 2-ого лица (отдай, гадай, спроси, спой, запри, убей, умри), выражающих диалогическое взаимодействие участников. Хотя один из собеседников выбрал коммуникативную стратегию согласия и поддакивания, она не возымела действия. Приведенный текст передает диалог-диссонанс, поскольку результатом диалогического взаимодействия является полная конфронтация коммуникантов.

Рассмотрим фрагменты из стихотворения А.А. Вознесенского «Диалог»:

```
− Итак,
в прошедшем поэт, в настоящем просящий суда,
свидетель себя и мира в 60-е года?
- \Pi a!
– Клянётесь ответствовать правду в ответ?
- Живя на огромной, счастливейшей из планет,
песчиночке из моего решета...
-\mathcal{I}a.
- ...вы производили свой эксперимент?
-Да.
- Любили вы петь и считали, что музыка – ваша звезда?
– Имели вы слух или голос и знали хотя бы предмет?
-Hem. < >
– Вы всё испытали – монаршая милость,
                     политика, деньги, нужда,
всё только бы песни увидели свет,
дешёвую славу с такою доплатою вслед?
-\mathcal{I}a.
И всё ж, мой отличник, познания ваши на «2»?
- Хотели пустыни - а шли в города,
смирили ль гордыню, став модой газет?
− Hem.
– Вы были ль у цели, когда стадионы ревели вам: «Дай»!
− Hem. <...>
```

Процитированное произведение А.А. Вознесенского, как видим, по своему построению напоминает интервью. В тексте лирический герой кратко (но, по всей видимости, честно) отвечает на вопросы (в большинстве своем острые) неназванного интервьюера (Высшего Судии? Alter ego?). Стихотворение состоит из 51 реплики, которые выстраиваются в длинную череду диалогических единств. Произведение завершается монологическим катреном, подводящим итог напряженному диалогу: В ответы не втиснуты / судьбы и слёзы. / В вопросе и истина. / Поэты – вопросы.

2. Текстообразующая функция фигур диалогизма может проявляться в том, что в лирическое произведение включаются пространные фрагменты прямой речи (монологов), выражающие диалогическое взаимодействие точек зрения, а иногда и их резкую конфронтацию. Продемонстрируем данный вариант воплощения текстообразующей функции фигур диалогизма на примере стихотворения А. Вознесенского «В час отлива, возле чайной...», которое является фрагментом известной поэмы «Оза».

Стихотворение построено как диалог-спор лирического героя со своим антиподом, представленным в произведении в образе черного ворона. Лирический герой тщетно пытается

внушить своему случайному оппоненту, как прекрасны окружающий мир и созидательный труд человека:

```
Я вскричал: «Мне жаль вас, птица, человеком вам родиться б, счастье высшее трудиться. полпланеты раскроя...» < ...> «Будешь ты, великий ментор, бог машин, экспериментов, будешь бронзой монументов знаменит во все края...» < ...>
```

Лирический герой напрасно старается убедить своего неожиданного собеседника, как прекрасно такое чувство, как любовь:

```
Я сказал: «А хочешь — будешь спать в заброшенной избушке, утром пальчики девичьи будут класть на губы вишни, глушь такая, что не слышна ни хвала и ни хула...»
```

Ответы оппонента монотонны и проникнуты цинично-скептическим взглядом на мир. В тексте произведения эти фразы звучат как своеобразный рефрен: Он сказал: *А на фига?!* И лишь последняя реплика ворона является развернутой и в полной мере передает его нигилистическое кредо:

```
Он ответил: «Все — мура, раб стандарта, царь природы, ты свободен без свободы, ты летишь в автомашине, но машина — без руля...
Оза, Роза ли, стервоза — как скучны метаморфозы, в ящик рано или поздно...
Жизнь была — а на фига?!»
```

Однако последнее слово остается за лирическим героем. Заключительная строфа стихотворения подводит эмоциональный итог состоявшемуся спору:

```
Как сказать ему, подонку, что живём не чтоб подохнуть, — чтоб губами тронуть чудо поцелуя и ручья! Чудо жить необъяснимо. Кто не жил — что спорить с ними?! Можно бы — да на фига?!
```

3. Текстообразующая функция диалогичности и фигур диалогизма реализуется и тогда, когда лирическое произведение целиком представляет собой обращение к тому или иному адресату (адресатам), в качестве которых могут выступать, в частности, народ, современники поэта, читатели и почитатели его творчества, отдельный человек, как правило уважаемый автором или чем-либо интересный для него, или даже объект неодушевленный, но персонифицированный в рамках конкретного стихотворения. В подобных случаях текст стихотворения может приобретать некоторое сходство с произведениями, относящимися к жанру послания. К примерам подобного рода можно отнести, в частности, следующие произведения А.А. Вознесенского: «Прощание с Политехническим»; «Сначала»; «Мы летим вперед...»; «Разговор с эпиграфом» и др.

Обратимся к анализу известного стихотворения «Прощание с Политехническим». В данном произведении идет речь о Московском политехническом музее, где проходили литературные вечера многих российских поэтов XX века [Копылова 2012]. Здесь выступали и знаменитые

поэты-шестидесятники А.А. Вознесенский, Е.А. Евтушенко, Б.А. Ахмадулина, Р.И. Рождественский. Б.Ш. Окуджава и др.

Тексту стихотворения А.А. Вознесенского предшествуют строки: «Большой аудитории посвящаю». Однако произведение в равной степени посвящено и самому музею, и его посетителям (прежде всего, разумеется, аудитории литературных вечеров).

Поскольку текст имеет значительную линейную протяженность, приведем его в сокращении:

В Политехнический!
В Политехнический!
В Политехнический!
По снегу фары шипят яичницей.
Милиционеры свистят панически.
Кому там хнычется?!
В Политехнический!

Ура, студенческая шарага! А ну, шарахни по совмещанам свои затрещины! Как нам мещане мешали встретиться! <...>

Ура, галерка! Как шашлыки, дымятся джемперы, пиджаки. Тысячерукий, как бог языческий, Твое Величество—

Политехнический!

Ура, эстрада! Но гасят бра. И что-то траурно звучит "ура".

12 скоро. Пора уматывать. Как ваши лица струятся матово. В них проступают, как сквозь экраны, все ваши радости, досады, раны.

Вы, третья с краю, с копной на лбу, я вас не знаю.

Я вас люблю!

Чему смеетесь? Над чем всплакнете? И что черкнете, косясь, в блокнотик? Что с вами, синий свитерок? В глазах тревожный ветерок...

Придут другие— еще лиричнее, но это будут не вы—

другие.

Мои ботинки черны, как гири. Мы расстаемся, Политехнический!

Нам жить недолго. Суть не в овациях, Мы растворяемся в людских количествах в твоих просторах, Политехнический. Невыносимо нам расставаться. <...>

Ты на кого-то меня сменяешь, но, понимаешь, пообещай мне, не будь чудовищем, забудь

со стоящим!

Ты ворожи ему, храни разиню. Политехнический –

моя Россия! – ты очень бережен и добр, как бог, лишь Маяковского не уберег...

Поэты падают, дают финты меж сплетен, патоки и суеты, но где б я ни был— в земле, на Ганге,— ко мне прислушивается

магически

гудящей

раковиною

гиганта

yxo

Политехнического! (1961)

В анализируемом стихотворении лирический адресант ведет диалог в двух направлениях. Первое направление диалогического общения выстраивается по линии лирический герой – многочисленная зрительская аудитория, которой, собственно, и посвящено данное произведение. Второе направление диалогического взаимодействия происходит по линии лирический герой – Политехнический музей. Этими двумя линиями диалогического общения во многом определяется архитектоника текста.

Считаем вполне закономерным, что ведущую роль в данном произведении играют фигуры диалогизма, в частности риторическое обращение и риторическое восклицание. Представленные в тексте риторические обращения делятся на две группы. Первую из них образуют обращения к многочисленной и многоликой зрительской аудитории, присутствующей на литературном вечере. Обращения данной группы сосредоточены в первой половине текста (2, 3, 4, 6, 8 и 9 строфы). Все эти обращения включены в экспрессивный контекст: большинство из них совмещается с фигурой риторического восклицания и (или) сопровождается междометием ура, которое выражает 'воодушевление, восторженное одобрение' [МАС] (словарные дефиниции здесь и далее приводятся на основе лексикографических источников, размещенных на порталах slovari.ru и dic.academic.ru. МАС (Малый академический словарь) — «Словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой.). Приведем соответствующие контексты: Ура, студенческая шарага!; Ура, галерка!; Ура, эстрада!

Восклицанием ypa сопровождается даже обращение к зрительнице, образ которой явно не вызывает одобрения у лирического героя (ypa bam, dypa / bam bam, dypa / bam bam. Очевидно, что присутствие отдельных неприятных личностей в зрительном зале не способно испортить настроения поэту.

Обратим внимание на метонимический и ситуативный характер ряда использованных обращений: *Ура, галерка!* — метонимическое обращение к людям, сидящим на галёрке, т. е. в конце зрительного зала; <...> что с вами, синий свитерок? / в глазах тревожный ветерок... // — метонимическое обращение к девушке в соответствующей одежде и др. По мнению коллоквиалистов, ситуативность является важнейшим признаком разговорной речи [Русская разговорная речь 1973; Сиротинина 1974, 1996].

Радостно-приподнятое настроение, которое испытывает лирический герой, выплёскивается в признание любви к совершенно незнакомым зрительницам: Bы, третья с краю, / с копной на лбу, / я вас не знаю. / Я вас – люблю!

Вторую группу составляют обращения к Политехническому музею, сосредоточенные главным образом во второй части стихотворения. Процитируем текст: <...> Мои ботинки черны как гири. / Мы расстаемся, Политехнический!; Нам жить не долго. Суть не в овациях. / Мы растворяемся в людских количествах / в твоих просторах, / Политехнический. / Невыносимо нам расставаться.

Политехнический музей в восприятии лирического героя не просто персонифицированный адресат, живое существо, но и в некотором роде божественная сущность. Процитируем подтверждающие это стихотворные фрагменты: Тысячерукий как бог языческий / Твое Величество – / Политехнический!; <...> ты очень бережен и добр, как бог, / лишь Маяковского не уберег.

Эмоциональное признание адресанта: *Политехнический – моя Россия!..* – в предпоследней строфе стихотворения означает, что Политехнический музей является своеобразной малой родиной поэта и, по сути, символом большой страны, в которой живет автор.

В «Прощании с Политехническим» представлен обширный пласт сниженной лексики (собственно разговорной, просторечной и жаргонной), а также конструкции разговорного синтаксиса, которые органично входят в текстовую ткань. В стихотворении доминируют лаконичные синтаксические конструкции, многие из которых имеют разговорный характер (В Политехнический!; Ура, эстрада! Но гасят бра; 12 скоро. Пора уматывать; Чему смеетесь? Над чем всплакнете? и др.). Разговорные конструкции присутствуют во всех частях стихотворения, но наиболее активно используются в его первой части, где развертывается диалог со зрительской аудиторией Политехнического музея.

Итак, в произведении А.А. Вознесенского «Прощание с Политехническим» мощно воплощаются диалогическое начало и разговорная стихия. Основной корпус текста представляет собой диалоги лирического героя со зрительской аудиторией, присутствующей на поэтическом вечере, и Политехническим музеем, являющимся для адресанта магическим центром притяжения и своеобразной малой родиной.

Лирическое произведение может не включать риторических обращений в общепринятом смысле, но целиком быть обращено к адресату и содержать мощный апеллятивный заряд. В качестве примера подобного текста можно назвать адресованное современникам стихотворение Р.И. Рождественского «Будьте первыми!» (приводится в сокращении):

```
Если вы есть –
             будьте первыми!
Первыми –
          кем бы вы ни были.
Из песен –
         лучшими песнями.
Из книг –
        настоящими книгами.
Первыми будьте!
И только.
Песенными,
       как моря.
Лучше
      второго художника
первый
маляр! <...>
А вы трусливых
              не слушайте!
А вы их сдуйте, как пену.
Если вы есть –
              будьте лучшими!
```

Если вы есть –

будьте первыми!

Если вы есть -

попробуйте

горечь

зеленых побегов.

Примериваясь,

потрогайте

великую ношу

первых.

Как самое неизбежное,

взвалите ее

на плечи...

Если вы есть –

будьте первыми!

Первым – трудней.

И легче.

Категория диалогичности в приведенном тексте реализуется прежде всего через микрополе адресата. Стихотворение передает эмоциональный призыв поэта к современникам стремиться быть лучшими во всём и не отступать перед трудностями. Ключевым словом текста является лексема первый, а ключевым словосочетанием — будьте первыми. Многозначное слово первый, которое употреблено здесь 10 раз и, по сути, пронизывает все произведение, выступает в значении 'превосходящий всех других себе подобных'. Контекстуально близкими ему являются оценочные слова лучший (превосходная степень от прилагательного хороший) и настоящий. Апеллятивная направленность текста получает языковое выражение через серию глагольных словоформ повелительного наклонения 2 лица (шестикратный повтор императива будьте; использование словоформ повелительного наклонения глаголов (не) слушайте, сдуйте, попробуйте, потрогайте, взвалите и др.), а также многократное употребление местоимения 2 лица вы. Эмоциональный заряд текста усиливается за счет его фигуративной составляющей: риторических восклицаний, многочисленных повторов, синтаксического параллелизма. Например: Первыми будьте!; Если вы есть — / будьте первыми!; А вы трусливых / не слушайте!

4. Текстообразующая функция фигур диалогизма может проявляться в том, что лирическое произведение заключает в себе развернутый ответ на вопрос, заданный в начале текста. Ярким примером подобной реализации категории диалогичности может быть стихотворение Р.И. Рождественского «Кому принадлежу?».

Кому принадлежу?

Принадлежу

тому, что преходяще

и бесценно.

И цифрам вычислительного центра,

и весело орущему стрижу.

Принадлежу

закату и заре.

Березе,

ниспадающей в Онегу.

Принадлежу

медлительному снегу,

рожденному

в полночном фонаре.

Дорожным разговорам по душам.

Гостиницам величественно душным.

Богам

поверженным.

```
Богам
    грядущим.
Редакторским цветным карандашам. <...>
Живу.
    Умею.
       Знаю.
           И могу.
Терплю.
     Вникаю.
          Верю и не верю.
И все-таки
принадлежу мгновенью,
когда мне дочка говорит:
                      «Azy…» <...>
Еще принадлежу
              воде в горсти.
Дню,
рыжему от солнечных проталин,
который так талантлив,
так бездарен
и так высок,
          что мне
                не дорасти...
В квадратик телевизора гляжу.
Принадлежу
```

и твистам, и присядкам.

Принадлежу

законам и присягам.

А значит, и себе принадлежу.

Категория диалогичности в приведенном тексте реализуется прежде всего через микрополе адресанта. Стихотворение построено как ответ на проблемный вопрос, заданный в начале текста: Кому принадлежу? Лирический герой дает ответ и себе, и своим читателям. По сути, этот ответ носит исповедальный характер, и не случайно в тексте представлено столь значительное количество глагольных словоформ 1 лица: ключевое слово принадлежу встречается 11 раз, другие глаголы в форме 1 лица (живу, умею, знаю, могу, терплю, вникаю, верю и др.) суммарно используются в стихотворении 9 раз. Идея произведения может быть сформулирована следующим образом: поэт причастен ко всему, что существует в окружающем мире, к его природной красоте и ко всем противоречиям и несет ответственность за всё происходящее. В наименьшей мере поэт принадлежит самому себе.

Подведем итоги. Проведенный анализ лирики А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского показал следующее. Категория диалогичности в лирических произведениях реализуется через микрополя адресанта и адресата. Текстообразующая функция фигур диалогизма (риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, вопросно-ответные структуры) и других показателей диалогичности состоит в том, что они оказываются значимым компонентом архитектоники лирического произведения, пронизывают собой всю текстовую ткань. Данная функция может получать в лирике репликационное и нерепликационное воплощения. В первом случае текст может быть либо включать серию реплик значительной линейной протяженности, либо (что наблюдается значительно реже) члениться на диалогические единства (или реплики) без остатка. При нерепликационном воплощении диалогичности и фигур диалогизма возможны следующие варианты. В лирическое произведение могут включаться пространные фрагменты

прямой речи (монологов), выражающие диалогическое взаимодействие точек зрения коммуникантов, а иногда и их резкую конфронтацию. Лирическое произведение может целиком представлять собой обращение к тому или иному адресату (адресатам), в качестве которых могут выступать, в частности, народ, современники поэта, читатели и почитатели его творчества, отдельный человек или даже объект формально неодушевленный, но персонифицированный. Наконец, стихотворение может заключать в себе развернутый ответ лирического героя на вопрос, заданный в начале текста.

Диалогичность, и в частности фигуры диалогизма, выражают в лирическом произведении общий настрой на волну адресата, желание автора стать ближе своему читателю, общаться с ним, как с равным, учитывать его мнения, интересы, запросы, делиться с ним своими переживаниями, а порой вступать с ним в гипотетические споры и дискуссии ради установления истины.

Литература

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Борисова М.Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. 198 с.

Винокур Т.Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М.: Наука, 1977. С. 130–198.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: ЛЕНАНД, 2009. 176 с.

Волков А.А. Фигуры диалогизма // Волков А.А. Основы риторики: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003. С. 299–302.

Вотрина Е.Н.Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 21 с.

Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1980–1990 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1995. 167 с.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2004. 274 с.

Изотова Н.В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А.П. Чехова. Ростов H/J., 2006. 267 с.

Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1986. 91 с.

Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь, 1998.Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функциональностилистический аспект. С. 37–91.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Выражение диалогичности в естественнонаучных текстах // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987. С. 146–152.

Колокольцева Т.Н. Диалогичность и интертекстуальность в поэтическом тексте (на материале «Молитвы перед поэмой» Е.А. Евтушенко) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. № 5 (39). URL: http://grani.vspu.ru/jurnal/44 (дата обращения: 18.09.2019).

Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2001. 260 с.

Копылова В. От Маяковского до Вознесенского: 140 лет Политехническому музею [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 12.12.2012. URL: https://clck.ru/KiV3v (дата обращения: 20.09.2019).

Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат, Фигуры, жанры, стили. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 168 с.

Москвин В.П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат (глава 1) // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. М.: ФЛИНТА – Наука, 2014. С. 16–51.

Русская разговорная речь / отв. редактор Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1996. 175 с.

Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина): монография. М.: МПГУ, 2007. 352 с.

References

Arutyunova N. D. Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya lit. i yazyka* [*Izvestiya AN SSSR. Series lit. and language*], 1981, vol. 40, no 4, pp. 356–367.

Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man.]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. 896 p.

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

Borisova M.B. Slovo v dramaturgii M. Gor'kogo [A word in the dramaturgy of M. Gorky]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1970. 198 p.

Vinokur T.G. O yazyke sovremennoj dramaturgii [On the language of modern dramaturgy]. Yazykovye processy sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury. Proza [Linguistic processes of modern Russian fiction. Prose], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 130–198.

Vinokur T.G. Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya [Talking and listening. Variants of speech behavior]. Moscow, LENAND Publ., 2009. 176 p.

Volkov A.A. Figury dialogizma [Figures of dialogueism]. *Volkov A.A. Osnovy ritoriki: ucheb. posobie dlya vuzov* [*Volkov A.A. Basics of rhetoric: textbook. manual for universities*], Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2003, pp. 299–302.

Votrina E.N. Funkcionirovanie kategorii dialogichnosti v nauchnyh tekstah HKH veka [The functioning of the category of dialogicity in scientific texts of the twentieth century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd, 2012. 21 p.

Duskaeva L.R. Dialogichnost' gazetnyh tekstov 1980–1990 gg. [The Dialogue of Newspaper Texts 1980-1990]. Philology Cand. Diss.Perm', 1995. 167 p.

Duskaeva L.R. Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov [The dialogical nature of newspaper speech genres]. Philology Dr. Diss. Perm', 2004. 274 p.

Izotova N.V. Dialogicheskaya kommunikaciya v yazyke hudozhestvennoj prozy A.P. Chekhova [Dialogue communication in the language of fiction A.P. Chekhov]. Rostov n/D., 2006. 267 p.

Kozhina M.N. Dialogichnost' pis'mennoj nauchnoj rechi [Dialogue of written scientific speech]. Perm': Permskogo un-ta Publ., 1986. 91 p.

Kozhina M.N. Dialogichnost' kak kategorial'nyj priznak pis'mennogo nauchnogo teksta [Dialogicism as a categorical feature of a written scientific text]. *Ocherki nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.* [Essays on the scientific style of the Russian literary language of the 18th and 20th centuries], Perm', 1998, vol. 2. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry), part 2. Kategorii nauchnogo teksta: funkcional'no-stilisticheskij aspect, pp. 37–91.

Kozhina M.N., Duskaeva L.R. Vyrazhenie dialogichnosti v estestvennonauchnyh tekstah [The expression of dialogicity in natural science texts]. *Stilistika teksta v kommunikativnom aspekte* [*Text stylistics in the communicative aspect*], Perm', 1987, pp. 146–152.

Kolokol'ceva T.N. Dialogichnost' i intertekstual'nost' v poeticheskom tekste (na materiale "Molitvy pered poemoj" E.A. Evtushenko) [Dialogue and intertextuality in a poetic text (based on the material "Prayers before the poem" by E.A. Evtushenko)]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya»* [*Electronic scientific and educational journal of VGSPU "Faces of knowledge"*], 2015, no 5 (39). Available at: http://grani.vspu.ru/jurnal/44 [accessed 18.09.2019].

Kolokol'ceva T.N. Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoj rechi: monografiya [Specific communicative units of dialogic speech: monograph]. Volgograd, Volgogradskogo un-ta Publ., 2001. 260 p.

Kopylova V. Ot Mayakovskogo do Voznesenskogo: 140 let Politekhnicheskomu muzeyu [From Mayakovsky to Voznesensky 140 years to the Polytechnic Museum]. *Argumenty i fakty*, 12.12.2012. Available at: https://clck.ru/KiV3v [accessed 09.20.2019].

Moskvin V.P. Intertekstual'nost': Ponyatijnyj apparat, Figury, zhanry, stili [Intertextuality: Conceptual apparatus, figures, genres, styles]. Moscow, Knizhnyj dom "Librokom", 2011. 168 p.

Moskvin V.P. Teoriya intertekstual'nosti: kategorial'nyj apparat (glava 1) [Theory of intertextuality: categorical apparatus (chapter 1)]. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov* [*Intertextuality and figures of intertext in discourses of different types*]: kol. monografiya / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva, V.P. Moskvin, Moscow, FLINTA – Nauka Publ., 2014, pp. 16–51.

Russkaya razgovornaya rech' [Russian colloquial speech] / otv. redaktor E.A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.

Sirotinina O.B. Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti [Modern colloquial speech and its features]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 144 p.

Sirotinina O.B. CHto i zachem nuzhno znať uchitelyu o russkoj razgovornoj rechi: posobie dlya uchitelya [What and why does the teacher need to know about Russian colloquial speech: a manual for the teacher]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1996. 175 p.

Hisamova G.G. Dialog kak komponent hudozhestvennogo teksta (na materiale hudozhestvennoj prozy V.M. Shukshina) [Dialogue as a component of a literary text (based on V. M. Shukshin's fiction)]: monografiya. Moscow, MPGU Publ., 2007. 352 p.

СВЕЛЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колокольцева Татьяна Николаевна, д-р филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, 400066, Волгоград, пр. Ленина, д. 27

E-mail: tatnk@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kolokoltseva Tatiana Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian language and Teaching Methods

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin av., Volgograd, 400066, Russian Federation

E-mail: tatnk@inbox.ru